

The background of the entire image is a dense, repeating plaid pattern. The pattern consists of squares in various shades of pink, from light to dark, and some dark red or maroon squares, creating a complex, textured effect.

Светлана
Бестужева-Лада

Премудрая царица

Историческая фантастика

Светлана Бестужева-Лада

**Премудрая царица.
Историческая фантастика**

«Издательские решения»

Бестужева-Лада С.

Премудрая царица. Историческая фантастика / С. Бестужева-Лада — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501790-1

Молодая женщина-врач после удара током попадает в тело царицы Марии Нагой, последней жены Ивана Грозного. И, прожив насыщенную жизнь, возвращается обратно.

ISBN 978-5-00-501790-1

© Бестужева-Лада С.
© Издательские решения

Премудрая царица Историческая фантастика

Светлана Бестужева-Лада

© Светлана Бестужева-Лада, 2019

ISBN 978-5-0050-1790-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Медицина и история.

Листочки соскользнули у меня с колен и разлетелись по полу ординаторской. Н-да, увлекательное это, конечно, чтение – роман, который затеял писать мой супруг. И вроде все слова на месте и текст связный, а вот – в сон потянуло...

Мой муж, к счастью, не был законченным графоманом, и прекрасно понимал, что знаменитого писателя из него не получится. Но вот ведь поди ж ты – к шестидесяти годам в литературу потянуло. И не в какую-нибудь, а в историческую. Я же исполняла роль подопытного кролика: на мне пробовалось все, что удавалось написать мужу.

Именно удавалось, потому что времени на это хобби у него было, мягко говоря, маловато. Николай Павлович Пестровский, доктор медицинских наук, академик этих же наук и директор крупной больницы иной раз и для сна время с трудом находил. Правда, это у него всегда хорошо получалось – находить свободное время, если чего-то сильно хотелось.

Так в свое время, а точнее пятнадцать лет назад, он на мне женился. Я не блондинка, ноги у меня растут откуда положено, а не от ушей, да и все остальное – в пределах нормы. Почему только что назначенный директором больницы профессор Пестровский выбрал меня, врача-стажера в отделении неврологии, сказать трудно. Но – выбрал, месяц ухаживал по всем правилам, а потом сделал предложение руки и сердца.

Он мог бы предложить мне стать его любовницей, но не предложил. На мой прямой вопрос «почему?» ответил коротко и внятно:

– Когда любишь женщину, на ней нужно жениться.

Надо сказать, что я, как и весь женский персонал нашей больницы, перед Николаем Павловичем благоговела на грани влюбленности. Так что после такого конкретного предложения грань автоматически была перейдена, и замуж я вышла по любви. За человека вдвое старше меня и в сто раз умнее. И – такая мелочь – за все еще очень красивого мужчину, представительного, элегантного, прекрасно воспитанного.

За пятнадцать лет нашего брака я об этом ни разу не пожалела. У нас никогда не было даже мелких ссор и стычек: мы свято придерживались принципа «уступает тот, кто умнее». Понятно, что уступала всегда я. Ну, почти всегда. Ну, если быть уж совсем честной: один раз. Муж предложил съездить на недельку покататься на горных лыжах, а мне именно в это время до безумия захотелось погреться на солнышке у моря. Но он и тут нашел достойный выход из положения.

Мы отправились в... Объединенные Арабские Эмираты, где недалеко от главного города Дубаи в районе Аль-Барша недавно соорудили горнолыжный курорт Ski Dubai, вмещающий порядка полутора тысяч посетителей. Супруг размахнулся по-крупному и обеспечил нам недельный отдых в 5-звездочном отеле Kempinski, который был ближе всего к горнолыжному чуду. Пляж, правда, был далековат – 10 километров, но туда ходили специальные бесплатные мини-автобусы отеля, причем расписания, как такового, не существовало: просто идешь и садишься в транспортное средство, которое тут же трогается с места.

Поскольку я не собиралась целый день валяться на песочке, распорядок дня у нас выработался идеальный: супруг после завтрака, который подавали прямо в роскошный номер, отправлялся кататься на лыжах, а я – на пляж, где были и удобные лежаки, и мороженое, и прохладительные напитки, и всевозможные развлечения на воде. Меня они, впрочем, не очень манили, я практически не вылезала из воды, настолько это было здорово. А к обеду возвращались в гостиницу, где, кроме такой обыденной мелочи, как огромный жидкокристаллический телевизор, была еще и ванная комната размером с небольшой зал, отделана мрамором. Ну, и джакузи, разумеется.

– Почувствуй себя миллионершей, – не без ехидства порекомендовал мне супруг. – При нашей с тобой работе очень разгружает нервную систему.

Сам он с наслаждением оттягивался в огромном стеклянном кубе, высотой около 85 метров. Толщина снежного покрова, заботливо созданного искусными сотрудниками комплекса, была около 70 сантиметров (и откуда они снег берут?). Четыре горнолыжных склона разного уровня сложности, трамплины, трассы для тобоггана, бобслея, сноуборда.

Один раз и я посетила это уникальное заведение – из чистого любопытства. Кататься на горных лыжах я умела, но весьма средненько. Но впечатлений получила на всю оставшуюся жизнь, во-первых, от катания на бобслее, а, во-вторых, от общей атмосферы. По-моему, если бы я пожелала, чтобы меня покатали на саночках, это было бы исполнено незамедлительно. И попить ароматного кофе в уютном кафе прямо рядом с лыжным спуском было тоже классною

В стоимость входного билета включено использование теплой одежды, специального снаряжения, возможность пользоваться бугельными подъемниками.

– Это просто рай, – оценил заведение муж, вообще-то не склонный к преувеличенным восторгам. – Жаль, что ты не можешь оценить все это с профессиональной точки зрения.

Заодно он посоветовал мне «не дразнить гусей» и купаться в специальном костюме для правоверных мусульманок. Костюм этот представлял собой нечто вроде второй кожи из тончайшего черного (ну, разумеется!) материала. На голову надевалась специальная косынка-шлем, прикрывающая не только волосы, но и рот. Звучит странно, но купаться в нем довольно комфортно.

При этом на меня не косились, как на других европейек, которые не представляли себя на пляже не в бикини. Местные жители терпели (бизнес!), но особого восторга не выражали. К тому же при каждой даме был спутник – обычно пожилой и грузный мужчина с непременной золотой цепью на шее. Так что даже флирт был проблематичен, а смотреть и облизываться, согласитесь, раздражает.

А в отеле, помимо всего прочего, было 6 ресторанов и баров, ультрасовременный оздоровительный клуб с тренажерным залом, пейзажным бассейном и теннисными кортами, спа-центр и косметический салон. Так что я не отказала себя в удовольствии почистить мордочку на европейском уровне: в Москве мне на такие развлечения элементарно не хватало времени.

В общем, отдых оказался сказочным, хотя первоначально я испытала шок, узнав о ценах. Но супруг беззаботно махнул рукой:

– Зарабатываем оба прилично, отдыхаем редко, квартира и машина есть, а бриллиантов ты не просишь. Осилим, не переживай.

И я переживать перестала, полностью отдавшись суперкомфортабельной неге курорта высшего класса.

Ну, и какие у меня могли быть причины для недовольства своим браком?

Конечно, одна неделя – это всего лишь неделя. Но и в Москве мне грех было жаловаться на жизнь. Быт не заедал: два раза в неделю приходила очень милая женщина – убрать квартиру и постирать. Готовить я любила и делала это с удовольствием, а все продукты заказывали на дом. Какой быт, я вас умоляю!

Про интимную сторону нашего брака умолчу, скажу только, что она нас вполне устраивала. Но главной «скрепой» являлось то, что мне с мужем было всегда безумно интересно. Профессиональные интересы у нас совпадали на сто процентов, к тому же я почти каждый день узнавала что-то новое, о чем прочитав вряд ли где-нибудь могла. Даже Интернет не мог конкурировать с моим супругом по эрудированности и играл чисто прикладную роль поставщика информации.

Что же касается Николая Павловича... Начиная как врач-невролог, он постепенно и методично овладевал остеопатией – сложнейшей и не везде признанной методикой лечения больных. Достаточно сказать, что остеопат должен быть еще и незаурядным мануальным терапевтом, поскольку все болезни определяются преимущественно с помощью чувствительности рук доктора.

Список болезней, которые способен исцелить настоящий остеопат, колоссален. Это и болезни суставов и позвоночника: сколиоз, спондилез, остеохондроз, межпозвоночная грыжа, остеоартроз, артрит и другие. Это и болезни неврологии: межреберная невралгия, патологическое внутричерепное давление, головные боли, мигрени и иные патологии.

Короче, большинство болезней, которыми страдает огромное количество людей, и которые чрезвычайно редко излечиваются хотя бы наполовину. У моего мужа неизлечимых больных не было по определению, но и попасть к нему на прием было очень и очень непросто. Деньги тут ничего не решали: помочь могло только очень близкое знакомство или счастливый случай.

Правда, качественное лечение отнимало изрядное количество сил. Если я пыталась применить полученные знания на практике, то потом полдня ходила полусонная. Муж уверял, что со временем будет легче, но я на всякий случай не слишком злоупотребляла его способами лечения. Каждому, как говорится, свое.

В последнее время Николай Павлович увлекся еще и народными средствами лечения позвоночника, суставов и сопутствующих им недомоганий. Даже завел двух помощников-энтузиастов, которые (за счет патрона) ездили по глухим деревням и селам России и пытались раздобыть «бабушкины рецепты». Кое-что у них получалось.

Я же карьеры не сделала (не очень-то и хотелось). Так и осталась врачом-неврологом, правда, высшей квалификации. Хотя могла бы стать и заведующей отделением, и даже главным врачом. Но проблема была в том, что руководить людьми я не умела – от слова «совсем». Потолком моих способностей были распоряжения медсестрам и санитаркам, но они, надо сказать, меня никогда не подводили. И даже уважали: во-первых, за полное отсутствие гонора, а во-вторых, за профессионализм.

Муж не зря вечерами обсуждал со мной медицинские проблемы и рассказывал про случаи самых невероятных исцелений. Когда мне удалось в буквальном смысле слова поставить на ноги и вернуть к нормальной жизни замученную тяжелым артрозом еще молодую женщину, услышанное от мужа «молодец» было для меня ценнее всех благодарностей в приказе.

Так что можно сказать, мы жили медициной. И тут – неожиданное увлечение Николая Павловича русской стариной. Причем не абы какой, а жизнью царя-загадки Ивана Грозного, исхитрившегося жениться то ли семь, то ли восемь раз, четырежды овдовевшего (два раза по собственному желанию), убившего собственного сына и наследника и скончавшегося при загадочных обстоятельствах.

– Зачем тебе это? – нескладно удивилась я первоначально. – Других забот мало? Ты же высыпаться не успеваешь...

– Интересно, Майечка, – услышала я в ответ. – Как-то в самолете нашел забытую книгу, других дел не было, я и начал читать от скуки.

– Ну и прочитал бы, – продолжала недоумевать я. – Зачем самому романы писать? Лавры Чехова покоя не дают?

– Глупости! – отмахнулся супруг. – Понимаешь, я прочел, что Иван наш, прозванный за свою жестокость Васильевичем, довольно рано начал страдать от болей в суставах и спине. Говоря современным языком, у Ивана Грозного развились мощные солевые отложения на позвоночнике, особенно досаждавшие ему в последние шесть лет жизни.

– Остеофиты? – осведомилась я.

– Они, родимые. Так что отравление ртутью или мышьяком было бы для Ивана Васильевича благодеянием.

– Ну да, ограничение подвижности, острая боль при каждом движении... Как говорится, врагу не пожелаешь, тем более при тогдашнем уровне развития медицины.

С этим я была полностью согласна. И возражать против нового хобби мужа не собиралась. Наоборот, во время дежурств сидела в Интернете, пытаясь выкопать оттуда что-нибудь особенное.

Редко, но случалось наткнуться на необычную статью о жизни и болезнях Ивана Грозного. Тогда я это распечатывала и с торжеством несла супругу, который компьютер недолюбливал и предпочитал читать тексты по старинке, с бумаги. И писал тоже от руки. Общение с техникой было моей специализацией.

Часы показывали два часа. Пора было совершать ночной обход. Вообще-то никто из дежурных врачей этого не делал: устраивались на диване в ординаторской и надеялись, что дежурство пройдет без происшествий. Но мне этот вариант не подходил: ночами многим больным становилось хуже, а звать медсестру большинство стеснялось. Да и все равно она позвала бы врача – в данном случае меня. Лучше уж самой убедиться, что все в пределах нормы.

Тем более, что я сегодня дежурила одна: напарник отпросился по причине серьезной поломки машины. Зная, что его железный конь для него значит больше, чем все больные, я не стала возражать. Что ж, зайду еще и в мужское отделение, невелик труд.

У мужчин, как доложила мне дежурная медсестра, все было в порядке, жалоб не поступало. В женском отделении – тоже, но мне послышались какие-то странные звуки в одной из палат.

– Зоя, вы ничего не слышите? – спросила я у медсестры.

Та сделала большие глаза.

– Нет, Майя Михайловна. Вроде все тихо.

– А давай-ка заглянем в седьмую палату. Кажется мне, там кому-то не очень хорошо.

В палате было темно и вроде бы тихо, но через минуту послышался слабый жалобный стон. По звуку я определила, что стонет немолодая пациентка на кровати у окна. Что там могло приключиться? При вечернем обходе она ни на что не жаловалась.

Зоя зажгла ночник возле кровати Алины Генриховны, бывшей балерины, а теперь пенсионерки и инвалида второй группы из-за травмы спины. Опасная это все-таки профессия – балет, навидалась я тут ее жертв достаточно.

– Что случилось, Алина Генриховна? – шепотом спросила я. – Боли?

– Ох, доктор, так спину сводит, что завывать хочется, да совестно.

Совестно ей, видите ли. Давно бы послала за мной.

– Переворачивайтесь на живот, – распорядилась я. – Посмотрим, что там у нас.

«Смотрела» я руками – этому искусству меня научил супруг. Спина была проблемной, конечно, но в одной точке полыхнула огнем. Так... значит можно не ждать результатов рентгена, диск из позвоночника все-таки выскочил окончательно. Придется рискнуть и попробовать поставить его на место. Или хотя бы боли убрать.

Пока я манипулировала над спиной бывшей балерины, та постепенно успокоилась и уже почти не стонала. Зато я взмокла, как мышь под метлой. Все-таки остеопатия штука энергоемкая, и сил у врача забирает немало. Но результат того стоил.

– Легче? – спросила я, когда почувствовала, что горячая точка почти совсем остыла.

– Кажется, все прошло, доктор, – неуверенно ответила больная. – Ничего больше не болит.

– Ну вот и славно. Зоя, сделайте успокоительный укол. Пусть Алина Генриховна поспит как следует.

– Конечно, Майя Михайловна, – отозвалась Зоя, глядя на меня восторженными глазами. – Вы как всегда...

У меня на отделении была репутация то ли колдуньи, то ли местной ведьмы. И все из-за таких вот случаев «чудесного исцеления». Но я-то знала, что исцеления пока еще не произошло и скорее всего придется делать операцию. Силешек у меня не хватит вправить диск окончательно, такие чудеса только моему супругу удавались.

– Попробуйте поспать, – посоветовала я пациентке. – Сегодня уже болеть не будет, а может, и завтра тоже. Но операцию делать все-таки придется.

– А может быть...

Я покачала головой.

– Чудеса, конечно, бывают, но я не волшебница.

Зоя уже принесла наполненный шприц и ловким движением ввела лекарство.

– Переворачивайтесь на спину и отдыхайте, – строго сказала она. – И следующий раз не терпите, вызывайте дежурную медсестру.

– До завтра, – попрощалась я. – На обходе посмотрим, что там такое вдруг выскочило.

В ординаторской я собрала с полу рассыпавшиеся листки и сложила их аккуратной стопкой на столе. Теперь можно было бы заняться привычными поисками в Интернете, но меня неудержимо клонило ко сну. А это могло плавно перетечь в глубокий и крепкий сон, если бы я прилегла на диван.

Кофе! Кружка крепкого кофе вполне могла вернуть меня к почти нормальному состоянию. Ведь предстоял еще полноценный рабочий день, и я не могла себе позволить расслабиться. Вечером лягу пораньше, всего и делов-то.

Кофе в ординаторской всегда был хоть и растворимый, но самый лучший. Можно было бы, конечно, установить плитку и завести джезву, но это был бы уже перебор по взяткам. Ладно, микроволновка, врачи в ней подогревают принесенные из дома закуски. Но кофе варить нужно все-таки дома.

Воды в электрическом чайнике было как раз на порцию кофе. Хотя по уму надо было бы долить: чайник у нас капризный и может забастовать в самый неподходящий момент. Но сейчас я решала этим пренебречь.

Почему-то вилка чайника оказалась вынутой из розетки. Мне это показалось странным – обычно мы чайник из розетки не выключаем. Но ничего криминального я в этом не усмотрела. Насыпала в кружку кофе и сахар и воткнула штепсель в положенное место...

Искры, полетевшие во все стороны после этого нехитрого действия, могли напугать кого угодно. Но я даже испугаться не успела, потому что меня что-то сшибло с ног и я очень неслабо приложила головой к ручке дивана.

После этого наступила темнота и тишина, которые я ощущала всего несколько секунд. Дальше я не ощущала уже ничего, провалившись в какой-то бездонный колодец. Даже не колодец – пропасть, в которую я летела и летела и дна которой не предвиделось.

«Сотрясение мозга обеспечено», – как-то вяло подумала я. Мысль о том, что я вообще могла благополучно отлететь в мир иной, мне в голову не пришла. Как и большинство врачей, к смерти я относилась ровно и достаточно индифферентно.

«Врач сказал – в морг, значит, в морг».

А кто же спорит с врачами?

Глава вторая. Царица-матушка.

Странные звуки. Странные запахи. Где я нахожусь? Не в ординаторской – это точно. И вообще не в больнице – там нигде не может пахнуть ладаном и каким-то горящим маслом.

И лежу я не на полу и не на больничной койке – слишком мягко. Пора открывать глаза и определяться с местонахождением, а то как-то не по себе становится. Да еще что-то влажное на лбу лежит и тоже пахнет. Правда, не ладаном, а чем-то непонятным.

Я слегка приоткрыла глаза. Полумрак, под потолком передо мной тлеет огонек. Лампада, что ли? Похоже, я прилично приложилась в ординаторской – вон какие глюки.

А... а если не глюки? Куда меня занесло или занесли?

В этот момент со скрипом распахнулась дверь, и я от испуга снова закрыла глаза. Шорох, стук, точно кто-то на колени брякнулся, и низкий хриловатый мужской голос:

– Как царица, очнулась?

Царица?!!!

Ответил старушечий голос:

– Нет еще, государь-батюшка. Но порозовела маленько, а то ланиты совсем белыми были. И дышит ровно.

– Где лекарь?

– Отлучился на время, сказал, что новое снадобье приготовит.

А вот это уже было лишним. Что за лекарь и какое снадобье он будет ко мне применять – неизвестно. Пора включаться в окружающую жизнь, иначе это добром точно не кончится.

Я осторожно открыла глаза. Возле моей постели, точнее, ложа, обретался высокий сутуловатый мужчина с седой головой, острой бородкой и пронзительными глазами. Почему-то на нем была островерхая шапка, богато изукрашенная и отороченная мехом. Ну, и кто это к нам пожаловал?

Мужчина заметил, что я открыла глаза и склонился ко мне:

– Никак очнулась, Марьюшка?

Я выдавила слабую улыбку, потому что совершенно не представляла себе, что и как сказать.

– Очнулась государыня! – радостно взвизгнул старушечий голос, и я обнаружила рядом с мужчиной сморщенную женщину, закутанную в черный платок. – Очнулась, касатуха наша!

– Бегом за лекарем, – скомандовал мужчина. – Может, и не понадобятся его снадобья-то. Знаем мы их...

Бабку унесло из комнаты, а мужчина присел на табурет рядом с кроватью.

– Болит что-нибудь? – участливо спросил он.

Я прислушалась к организму: вроде все в норме.

– Нет... государь. А почему я в постели?

Лицо мужчины омрачилось.

– Значит, не помнишь, как на лестнице давеча оступилась, да головой о перильца ударились?

– Не помню... государь. Все ровно в тумане.

– Ну, Бог милостив, Марьюшка, все обойдется. Полежишь, в себя придешь...

– Снадобий бы не надо, государь. Как бы хуже не стало.

Лицо мужчины перекосила странная гримаса.

– Хуже станет, лекаря на кол посажу. Грозным-то меня не за красивые глаза прозвали.

Ох, мамочки! Это же сам Иван Грозный. А я, стало быть, его супруга, только неизвестно какая по счету. Не вторая, которую Марией звали – это точно. При ней царь много моложе был, и уж точно не седой. И, слава Богу, не Анна – эти плохо кончали. Значит...

Значит, Мария Нагая, которую царь взял в жены за необыкновенную красоту и веселый нрав. Вот уж повезло, так повезло. И что мне теперь делать?

Я сделала попытку присесть, но ее тут же пресекли.

– Пока доктор не разрешит, лежи тихо. А то вдруг хуже будет. Мне больная жена ни к чему.

– Прости, государь, не гневайся, – пролепетала я и непроизвольно заплакала.

Лицо царя смягчилось.

– Ну будет сырость-то разводить. Шучу я. От шишки на голове еще никто не помирал.

Я рискнула снять тряпку со лба и ощупала голову. Действительно, небольшая шишка над левым ухом имелась. Этим точно местом я и приложилась, когда в ординаторской грохнулась. Но Иван Грозный в качестве законного мужа – это уже перебор.

Или, как сказал бы мой взыскательный супруг Николай Павлович, грамотно замотивированная галлюцинация. Только было у меня грустное подозрение, что галлюцинация тут совершенно не при чем.

– Я скоро поправлюсь, государь, – голосом первой ученицы сообщила я. – Завтра уже на ногах буду.

Тут в комнату бочком протиснулся еще один персонаж: мужчина в черном, явно не русский, если судить по внешности. Надо полагать, их знаменитый долгожданный доктор. Увидев царя, он заметно побледнел и повалился на колени. Чего испугался – непонятно.

– Встань, – почти ласково сказал царь, – очнулась супруга моя богоданная. Теперь и снадобья твои, пожалуй, ни к чему будут.

– Как повелите, государь, – с сильным акцентом отозвался врач.

– Прикажи, государь, пусть свинцовую примочку к ушибу приложат, – не сдержалась я. – Быстрее пройдет.

– С каких это пор ты в медицине сведуща, Марьюшка? – усмехнулся царь.

– Так ведь маменька братцам моим всегда к шишкам такие примочки прикладывала, – выкрутилась я. – Они непоседы были и драчливы зело...

Ого! Я уже начинаю переходить на здешний диалект.

– Ну, чего медлишь? – пристукнул посохом царь. – Выполняй царицыно повеление. А что за снадобье ты принес?

– Повязку целебную. Смесь спиритуса и цитрона сока.

Умник! Кожу сожжет только так. Эти средства, по-моему, в каменном веке применялись.

– Прикажи, государь, унести. Сам, небось, ведаешь: не люблю я запаха винного.

– Ведаю, ведаю... Неси обратно свои примочки, доктор, да приготовь свинцовую, как царица повелела.

– Слушаюсь, государь, – пискнул доктор и быстренько шмыгнул из комнаты.

– А ежели тебе, Марьюшка, каких-нибудь яств диковинных или заморских захочется – только скажи. Из-под земли достанем.

Рука царя лежала на моей постели и мне было нетрудно повернуть голову и припасть к царской длани благодарственным поцелуем.

– Балуеть ты меня, государь, – прошептала я. – Мечта у меня одна-единственная...

– Говори.

– Сыночка хочу тебе родить. По три раза в день перед иконами вымаливаю...

Упс... Откуда я знаю, что моя предшественница в этом теле по три раза на день делает? Но, похоже, случайно угадала.

– Ведомо мне сие. Ну, отдыхай, набирайся сил. А как наберешься, приходи в мою опочивальню.

Меня непроизвольно бросило в жар. Доболталась.

– Ах ты, скромница моя, – по-своему оценил мое смущение царь. – Люба ты мне Марьюшка, и за это. Бог даст, пошлет ребеночка. Елена-то вон зачреватела. Да ты и сама знаешь.

Елена? Какая еще Елена? Как принято говорить в таких случаях в оставленном мною времени, «никогда еще Штирлиц не был так близко к провалу».

– Бог милостив, – только и могла произнести я.

Ничего другого мне просто не приходило в голову.

– Твоя правда, Марьюшка. И мне супругу послал любезную сердцу, и невестками утешил. У Ирины, Бог даст, тоже скоро детки пойдут. Только бы Федча не хворал...

У меня точно молния перед глазами сверкнула. Федча – это же Федор, младший сын Ивана Васильевича, муж Ирины, в девичестве Годуновой. А Елена – ну, конечно же! – супруга старшего сына, Ивана. Какое счастье, что Николай Павлович увлекся жизнью Ивана Грозного. Я же помню: после моей свадьбы на другой день две сыграли. То есть помню, что читала об этом. Пиршество, небось, знатное было – три царских свадьбы подряд.

– Сейчас-то он во здравии? – осведомилась я. – А Иван как?

– А что Иван? Как сходил из Можайска в литовские земли, да разорил несколько малых городов, так без всякой чести в Смоленск и вернулся. Али запомнела?

– Запомнела, государь, прости дуру грешную.

– Да не бабьего это ума – дела ратные. Теперь вот доносят мне, что король Стефан Баторий с почти 100-тысячным войском собирается на Псков. Думаю, Ваньку туда послать, пусть командует тамошним гарнизоном. Как только Ленка опростается, так и поедет.

– Мудро, государь.

– Да что это я с тобой о делах государственных рассуждать вздумал? Ты и так голову зашибла, почитай, совсем ничего не соображаешь.

– Прости, государь. Только мне отрадно голос твой слышать. А о чем вещать – твоя воля.

У-фф, кажется, проскочили. Тут ведь всех женщин считают идиотками по определению, а уж в делах государственных... даже думать смешно, что с бабой можно о ратных делах рассуждать.

Царь погладил меня по голове и поднялся.

– Поправляйся, Марьюшка. А как поправишься – на богомолье отправимся, с Сергиев Посад. Помолимся о ниспослании нам чада.

– На все твоя воля государь.

Богомолье – это, конечно, хорошо, только я ни единой молитвы не знаю. Нужно срочно выздоравливать и по-умному внедряться в окружающую среду. Иначе объявят ведьмой и сожгут на костре. У них с этим просто, читала, знаю. В лучшем случае в монастырь законопатят. А оно мне надо?

Как только за царем затворилась дверь, возле меня опять возникла женщина в черном. Пожилая, лицо доброе, но встревоженная. Что ж, или пан – или пропал.

– Ты кто? – негромко спросила я.

Женщина всплеснула руками и охнула:

– Батюшки-светы, няньку свою Агафью не признала!

– Я и государя не признала, – слабо улыбнулась я. – Видать, память совсем отшибло. Ничего не помню, точно только что родилась.

Агафья схватилась за виски?

– Так что же теперь делать, Марьюшка?! Надобно лекарю...

– А вот этого совсем не надобно, – уже тверже сказала я. – Прознают, что царица память потеряла – враз в монастырь отправят. Ты лучше мне сама помоги.

– Да как же?

– Будь все время при мне, подсказывай, кто есть кто. А там, глядишь, и память вернется.

– Слава Богу, государь ничего не заподозрил, – чуть слышно прошептала Агафья. – А то не сносить бы нам головушек-то.

– Вот и я про то же. Какое ныне число на дворе, ведаешь?

– Первое ноября 7088 года.

Очень ценная информация. И как я с такими цифрами оперировать буду?

– А свадьба у меня когда была?

Агафья, похоже, расслабилась и перестала удивляться.

– А двух месяцев еще не прошло, касатушка. И все было ладно, да лепо: государь-батюшка тебя возлюбил и подарками задаривал. Один такой подарил... прости Господи, грех и срам.

Комплект эротического белья, что ли?

– Это что же за подарок?

– Да вон, велел на стенку повесить. Мы его пологом закинули, а то не приведи Господи кому ведомо станет.

На стене напротив постели действительно висело что-то размером с художественный альбом, завешенное темно-красным бархатом.

– Ну-ка, посмотрю.

– Да тебе же вставать ни в коем разе не велено...

– А мы никому не скажем, – усмехнулась я, осторожно спуская ноги на ковер. – Бог не выдаст.

Агафья тут же насунула мне на ноги парчовые туфельки без задников, отороченные, похоже, лебяжьим пухом.

– Дверь постереги, – велела я. – Это быстро.

Когда я встала, то почувствовала только легкое головокружение, которое почти сразу же прошло. Так, сотрясения мозга точно нет, уже хорошо. А с остальным справимся.

Ступая «с бережением» я в несколько шагов пересекла комнату, щедро заставленную всевозможными креслами, пуфиками, столиками и еще какой-то мебелью и приблизилась к таинственному предмету. Отвела полог – и ахнула:

– Что это?

На меня из богато вызолоченной рамы глядела молодая девушка... живая. Большие серые глаза смотрели на меня явно испуганно, длинные пушистые ресницы трепетали, губы вздрагивали. На конкурсе красоты в оставленном мной будущем ей делать было нечего: круглолицая, полноватая. Но объективно – хороша. Губки – как вишенки, носик прямой, зубки белые, ровные.

– Кто это? – немного изменила я вопрос, а девушка в раме беззвучно пошевелила губами.

– Да ты же это, Марьюшка, твой лик в зеркале отражается.

Как говорится: предупреждать надо. Откуда я могла знать, что тут зеркала чуть ли не под кроватью прячут. Но если это я **здесьняя**... Выбор царя меня в супруги становился понятным.

Хотя что это я? Знала же, что в России более или менее приличные и большие зеркала появились только после Петра Первого. А да него еще – целый век с хвостиком. Только очень богатые люди украдкой покупали за бешеные деньги «венецианские диковинки» у ганзейских купцов и держали их вот так, скрытно, исключительно в спальнях. Для верности их еще укрывали в киоты и зашторивали богатыми занавесками из ценных тканей.

– Ступай-ка обратно в постель, касатушка. Лекарь сулился перед сном пожаловать. А ему это видеть невместно.

Я бросила последний взгляд в зеркало, улыбнулась своему отражению и помахала рукой. Агафья кинулась зашторивать грешное стекло, а меня заинтересовало совсем другое. Ноги у меня оказались от силы тридцать четвертого размера, но достаточно полными. И руки – небольшие, с короткими чистыми ноготками на тонких пальчиках. Красавица? Похоже на то...

– Ложись, касатушка, в кроватку. Лекарь-то вот-вот придет, а ты по покоям скачешь. Неладно выйдет.

Я послушалась. Пока укладывалась, обнаружила, что у меня, оказывается, солидных размеров коса. Темно-русая, толстая – в полруки толщиной, до подколенок длиной. Вот теперь

развлечение будет – расчесывать и заплетать заново эту массу волос. Хотя для этого, наверняка, служанки имеются.

Лекарь действительно появился, как только я поудобнее устроилась на постели и на всякий случай приняла томный вид. Хотя, кроме легкой слабости, ничего на самом деле не испытывала. Даже голова не болела.

Лекарь пощупал мне пульс, удовлетворенно пощелкал языком, посмотрел на место удара и тоже остался доволен увиденным. Но какую-то влажную тряпицу все-таки извлек из недр своего балахона.

– Вот, свинца примочка. На ночь приложишь, – приказал он Агафье. – А этот микстур царица должна пить три дня. По три раза день.

– Слушаюсь, батюшка, – покорно кивнула Агафья.

– Государь почивать отправились и тебе, царица, приказал отдыхать. Завтра наведается.

Не до конца доверяя покорности Агафьи, первую ложку мутноватной жидкости лекарь скормил мне лично. Состав я определить на вкус не смогла, но на амброзию это точно не было похоже. И эту дрянь пить три дня подряд? Это вряд ли.

Дрянь, похоже, была со снотворным эффектом, я почувствовала, как глаза мои сами собой закрываются. Что ж, утро вечера мудренее. В конце концов все это может оказаться только сном.

С этой светлой мыслью я и заснула.

Разбудил меня колокольный перезвон. Какое-то время я лежала с закрытыми глазами, пытаюсь сообразить, где я и что происходит. А потом пришло четкое понимание того, что меня каким-то чудом зашвырнуло лет на пятьсот назад, да так ловко, что попали прямо в тело царицы. Очередной супруги Ивана Грозного, государя всея Руси.

Что ж, придется привыкать, хотя под ложечкой предательски сосало от страха. Если допущу какой-нибудь серьезный промах... нет, об этом даже думать страшно. Больше помалкивать, как можно активнее использовать помощь Агафьи и...

И изображать из себя любящую супругу абсолютно чужого человека, которого историки окрестили «Синей бородой». Хотя внешность у него была даже приятная: ничего похожего на серо-зеленого согбенного старца, каким его изображали в последние годы его жизни. Не мальчик, конечно, но и не Кашей Бессмертный. Плохо только, что обязательно нужно зачать ребенка, а физического влечения Иван свет Васильевич у меня не вызывал. И насчет «стерпится-слюбится» было сомнительно.

Для воспитанной в тереме боярышни, привыкшей беспрекословно подчиняться воле сначала родителей, а потом супруга, это все было в порядке вещей. Кого сосватали – того и люби, от того и детей рожай, да ни в чем супругу перечить не смей. Тем более – царю. Только я-то воспитывалась совсем по другому и кротким мой характер вряд ли можно было назвать.

И что делать?

– Проснулась, касатушка? – услышала я уже знакомый голос Агафьи. – Голова не болит?

– Ничего уже не болит, – отозвалась я. – А что это колокола раззвонились?

– Действительно, все забыла, – покачала головой Агафья. – Праздничная заутреня ныне, Параскева Пятница. Но тебе в церковь государь идти не дозволил, приказал в опочивальне молитвы сотворить.

Я похолодела.

– Агаша, забыла я все молитвы-то... Только «Отче наш и помню». Видно Бог за грехи наказал.

– А забыла – так вспомнишь. Повторяй за мной и ничего не страшись. Бог милостив, вернет тебе и молитвенную память.

Поскорее бы.

Чтение молитв заняло у нас с полчаса. Я путалась, запинаясь, говорила не те слова. Но с середины процесса я почувствовала, что откуда-то выплывают совершенно неведомые мне фразы. Агафья начинала очередную молитву, я ее уже не повторяла, а подхватывала и продолжала читать вместе с ней. Что это, интересно, наследство бывшей владелицы содержимого моей памяти?

Как бы то ни было, первый зачет я сдала почти успешно.

– А наговариваешь ты на себя, голубка, – покачала головой Агафья, поднимаясь с колен. – Может, что и забыла, да господь пособил вспомнить. Давай-ка умываться, да трапезничать будешь.

– Где? – с ужасом спросила я.

Не хватает только на общую трапезу угодить.

– Здесь, здесь, – успокоила меня Агафья. – Государь повелел тебе, пока не поправишься, из покоев не выходить. Только разве что из опочивальни в светлицу, если лекарь дозволит.

Ну, хоть что-то приятное.

Глава третья. Родственники.

Умываться мне помогали две симпатичные девчушки: одна поливала водой мои руки из кувшина над тазом, другая держала богато расшитое полотняное полотенце. Мыло, по-видимому, еще не изобрели, равно как и зубную щетку. Ну, ничего, мел я тут со временем раздобуду.

И тут Агафья шикнула на одну из девчонок:

– А мыло где, оканные? Вчера еще цельный брусок был!

– Ой! – пискнула девица с полотенцем и пулей вылетела за дверь.

Вернулась с куском чего-то темно-желтого и с поклоном передала Агафье.

– То-то же, растяпы, – проворчала та. – Завтра воды принести забудете.

Мыло было очень похоже на хозяйственное из оставленного мною времени, но пахло приятнее, только пены почти не давало. Я спустила сорочку с плеч и скомандовала:

– Грудь и плечи тоже помыть!

Дезодорантов, как я понимала, тут тоже не было, а отчетливый запах пота от девиц мне совершенно не понравился. Тем более, что подмышки брить тут было не принято. Нет, завтра в баню, что бы та кто ни говорил. Душ мне никто тут не приготовит, о ванне можно только мечтать. Значит – ежедневная баня.

– Агаша, распорядись мне на завтра баньку истопить.

Та только рот открыла от изумления.

– Так до субботы, государыня, еще три дня.

– А я хочу завтра. И послезавтра тоже.

– Кажинный день, что ли?

– Вот именно, кажинный день. Париться я не собираюсь, только мыться.

– Чудишь ты что-то, касатушка...

– Просто хочу быть чистой.

– Твоя воля... Только что государь скажет?

– А ему об этом знать не обязательно. Я же ничего греховного делать не собираюсь.

– Так-то оно так, да чудно как-то...

Под почти непрерывное бормотание Агаши о том что «неслыханно», да «невиданно», девки споро помогли мне вымыться до пояса, переодели в чистую сорочку – это уже по собственному почину, и застыли в ожидании.

– А платье? – осведомилась я.

– Ты что же, в платье лежать удумала? – изумилась Агафья.

– Я удумала не лежать, а сидеть. Вечером мне к государю, забыла?

Это подействовало.

– Верхнюю сорочку несите, – со вздохом приказала девкам Агафья.

Верхняя сорочка оказалась такой же прямой, как и нижняя, но с чрезвычайно длинными рукавами, собранными во множество складок. Сшита она была из какой-то дорогой материи золотистого цвета и богато украшена вышивкой.

Уже позже, вникнув в тонкости женского наряда, я узнала, что царские и придворные сорочки шились из тафты (алой, белой и желтой) и из полосатых и набивных индийских тканей (шелковых и хлопчатобумажных). По швам рукава низались мелким жемчугом в веревочку или ряскою в виде бахромы. Шитье и низанье украшало плечевой шов и запястье.

Таким образом, простота покроя и формы компенсировалась масштабом и декором, что производило внушительное впечатление, тем более что... такая сорочка была одеждой комнатной, повседневной, и считалось неприличным показываться в ней посторонним. Поэтому для выхода из покоев надевалось верхнее платье, а рукава верхней сорочки продевалась в прорези проймы, оставляя рукава верхнего платья висящими сзади.

Понятно, что декоративному убранству рукавов верхней сорочки придавалось огромное значение. Они же всегда были на виду.

– Душегрею надень, ежели ложиться не собираешься. А то застудишься.

Господи, какие сложности!

Душегреей оказалась короткая, чуть ниже талии кофточка из рытого бархата, украшенная золотыми и серебряными нитями растительными узорами, цветами, гроздьями винограда. Край был обшит золотой бахромой.

– А онучи-то, оглашенные! – вдруг всполошилась Агафья. – Нешто царица, как девка худая, босиком будет?

После этого мне моментально обмотали ноги тонкими полосками ткани (портянками, что ли?) и надежно их закрепили.

– Ну вот, теперь можно и трапезничать, – с удовлетворением произнесла Агафья, пробуdiv во мне чувство голода.

И то сказать: больше суток маковой росинки во рту не было, не считая лекарского снабья.

А лекарь оказался легок на помине. Возник в дверях, уже согнувшись в поклоне.

– Как государыня-царица, по здорову ли?

– Почти совсем здорова. Чуть-чуть голова кружится.

– Снадобье мое пила ли сегодня?

Врать мне не хотелось.

– Сегодня еще не пила. А вчера вечером меня от него враз в сон кинуло.

Лекарь удовлетворенно покачал головой.

– Так и правильно. Надобно более спать.

– Да не хочу я более спать! – решила я на маленький бунт. – Вечером приму, перед сном.

– Но так неправильно!

– А я так хочу.

Лекарь развел руками:

– А что я государю скажу?

– Скажешь, оздоровилась царица. Почти совсем поправилась.

– Но это не будет правдой!

– Это будет правдой, – подпустила я суровости в голос. – Днем я спать более не буду.

Тяжело вздыхая, лекарь осмотрел меня, то есть пощупал пульс и обследовал язык.

– Путь будет по-вашему, государыня. Вы действительно сильно оздоровились. Но снадобье хотя бы на ночь пейте.

– На ночь выпью. А завтра в баню пойду.

Это мое заявление, похоже, сразило лекаря наповал.

– Там же жарко и душно. Не можно выдержать даже здоровому.

– Немцу, может, и не выдержать, – усмехнулась я. – А для нас, русских, баня – первое лекарство.

Как ни странно, Агафья больше не возражала. По-видимому, заявление лекаря, что я «сильно оздоровилась» все-таки произвело на нее должное впечатление.

– Вечером опять проведу, коли позволите.

Я милостиво кивнула головой.

– Дозволяю. Только принеси с собой мела толченого. После твоих снадобий зубы чистить надо. Да приходи пораньше, вечером мне к государю...

Совершенно ошалевший лекарь раскланялся и удалился, а я приступила, наконец, к вожденной трапезе. Небольшой столик девки споро заставили блюдами с пирожками, какой-то рыбой, квашеной капустой. Венчал все это великолепие кувшинчик с каким-то питьем.

– Что это? – на всякий случай спросила я.

– Сбитень, государыня.

– А капуста к чему?

– Так ведь пост, касатушка, завсегда на Праскеву-Пятницу. Запоматовала?

– Запоматовала, – согласилась я и принялась за еду.

Пирожки с капустой и грибами просто таяли во рту, а печеная рыбка была выше всяких похвал. Сбитень же мне не показался: то ли компот, то ли чуть подслащенный чай. Но пришлось пить: кофе мне тут явно никто подносить не собирался.

А вот с этим нужно что-то делать. Известно ведь, что сейчас кофе пьют не только турки, но и венцы, от них этот обычай перенявшие. Значит, можно при желании достать мешочек с зернами. Надо только к государю подластиться.

– Спасибо, сыта, – объявила я и собралась выйти из-за стола.

– А молитву?! – возопила Агафья.

Я украдкой вздохнула.

– Начинай. Я за тобой.

– Благодарим Тя, Христе Боже наш, яко насытил еси нас земных Твоих благ; не лиши нас и Небеснаго Твоего Царствия, но яко посреде учеников Твоих пришел еси, Спасе, мир даая им, прииди к нам и спаси нас. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь. Господи, помилуй и благослови.

И эту молитву я вспомнила после первых же слов Агафьи. Значит, нужно заниматься самообразованием. Не всегда же нянька рядом со мной будет.

– Молитвенник подайте, – распорядилась я. – Желаю господу поблагодарить за чудесное свое исцеление.

Молитвенник подавать не было нужды: огромный талмуд, раскрытый на середине, лежал на специальной подставке возле окна. Рядом стояло простое деревянное кресло: надо полагать, для пущего смирения.

Я открыла молитвенник на первой странице и залюбовалась. Написанный явно вручную, с выделенными золотом и киноварью буквами с картинками. Сначала залюбовалась, потом – зачиталась. При этом меня не покидало стойкое ощущение «дежа вю»: знала я все эти молитвы когда-то, точно знала, и теперь прочтенное замечательно ложилось на подготовленную почву.

– К тебе Великая княгиня Ирина жалует, государыня, – услышала я голос Агафьи. – Прикажешь звать?

– Зови, конечно, – оторвалась я от своего благочестивого занятия. – Угощать чем-нибудь надо?

– Сейчас не надо, – шепотом быстро сказала Агафья. – Ты же ее не на чай звала, сама пришла о здоровье поведать.

Не слишком родовитая Ирина Годунова попала в царские палаты, да еще и стала любимой женой царевича Федора Иоановича потому, что дядья Бориса и Ирины издавна занимали достаточно высокое положение при московских государях. Их дядя Дмитрий Иванович был пожалован в думу в чине постельничего.

Потому-то брат с сестрой еще в детские годы оказались при царском дворе, где воспитывались вместе с детьми Ивана IV. Этим в значительной степени объясняются крепкие связи Бориса и Ирины с царевичем Федором, перешедшие в искреннюю взаимную любовь. Свадьба была слажена без традиционного царского смотра невест,

На момент свадьбы Ирине было 23 года, так же как и ее мужу Федору Иоановичу.

Но она не выглядела зрелой матроной: среднего роста, худощавая – на Руси такие невесты были не в цене. Только огромные серые глаза были прекрасны, и в них светился незаурядный ум.

Ирина от середины светлицы отвесила мне поясной поклон и негромко спросила:

– По здорову ли, пресветлая государыня?

– Спасибо, все уже хорошо, отозвалась я, мучительно соображая, как мне ее величать. – Сама-то как здравствуешь?

В глазах Ирины мелькнуло неподдельное удивление.

– Твоими молитвами, пресветлая государыня.

– Да ты присядь, в ногах правды нет. Вот я прикажу нам сбитню подать.

– Благодарствую, пресветлая государыня.

Мои нервы не выдержали этого бесконечного величания.

– Да хватит уж меня «пресветлой государыней» звать. Одни мы тут. Ты – супруга царского сына, я царская супруга. Наедине можем друг друга и по имени называть. Что скажешь, Ирина Федоровна?

Изумление в глазах Ирины все росло.

– Так ты сама так себя всем величать приказала, али запомновала? Елена, жена Ивана, до сих пор в обидах: ее муж наследник престола, сама она на сносях, вот-вот царевичу наследника подарит. Да и постарше тебя она будет...

– Как головой приложилась, так враз поумнела, – рассмеялась я. – На людях, понятное дело, обращаться надо, как полагается: мне тебя великой княгиней звать и Елену тоже. А когда одни – зачем?

– Не гневайся пре... Мария Федоровна, только это ты правильно удумала. От меня-то не убудет, а вот Елена зело горда и думает, что ты ее ни в грош не ставишь.

Охти мне, наворотила я тут, кажется, дел.

– А что ж государь не вмешался, не поучил супругу уму-разуму?

Ирина рассмеялась приятным мелодичным смехом:

– Только и дела государю в бабские склоки встревать. Он о них и не ведал бы, ежели бы ты не пожаловалась...

– Пожаловалась? На что?

– На нас с Еленой. Мол, недостаточно почтения тебе выказываем. Вот государь и приказал величать тебя полным титулом.

– Забудь, – с неподдельным раскаянием сказала я. – Это мне, видать, честь стать царской супругой в голову ударила. А теперь я совсем иначе мыслю.

– Это Господь тебя надоумил, Мария Федоровна. Гордыня – великий грех, а ты в него впала. Ничего, покаешься батюшке, наложит он епитимию легкую – и все наладится.

– Конечно, покаюсь, – пылко отозвалась я. – И в гордыни, и в суетности, и в пустословии, и в молитвенном небрежении. Спасибо тебе, Ирина Федоровна.

Принесли сбитень с сушками, Ирина Федоровна присела за стол напротив меня и я заметила, что удивление из глаз ее пропало. Она смотрела тихо, покойно, слегка склонив голову набок.

– Сейчас бы кофию испить, – мечтательно произнесла я. – Только где взять-то?

– Про кофий я от братца слышала, – оживилась Ирина, – он у кого-то из заморских гостей пробовал. Только у нас о нем еще и не ведают, да и боятся бесовского соблазна.

– В чем соблазн-то? – искренне поразила я.

– То мне неведомо.

Мы проговорили не меньше часа – ко взаимному, надеюсь, удовольствию. Я поведала Ирине о том, что память у меня отшибло: только свадьбу и помню, а более ничего, одна обрывки детских воспоминаний.

– Бог помилует, – утешила Ирина, – вернет тебе память. Как-нибудь утром пробудишься – и все вспомнишь.

Вот это вряд ли. Скорее мне придется по крупицам собирать информацию о собственном прошлом и быть при это очень осторожной.

– Я сегодня на исповедь к отцу Василию ходила, – сообщила мне Ирина. – Он меня каждое утро исповедует и причащает. Тебе бы тоже к нему сходить.

– А с нами двумя он управится? – усомнилась я.

– Управится. Он еще и Елену окормляет. Но к ней сам ходит – тяжело ей сейчас передвигаться-то. Дай Бог, мальчика вскоре породит.

– Дай Бог, – искренне пожелала я. – Да чтобы не последнего. Детей должно быть много.

– Твоя правда. Царская семья чадами сильна, корона из рук в руки переходить должна. Вот только государю не повезло: с малолетства сирота круглая, враги мать его, Елену Глинскую ядом извели, после того как царь Василий Иванович помер.

Я перекрестилась. Про судьбу несчастной матери моего мужа мне было известно если не все, то многое. Когда-то целый роман о ней прочитала... в прежней жизни.

– Я вот все о здоровье супруга кручинюсь, – продолжила Ирина. – Слабое оно у него, да еще эти боли в спине то и дело. Иной раз криком кричит.

– А лекари что говорят?

Ирина махнула рукой.

– Говорят-то они много, толку – чуть. Посоветовали змеиным ядом растирать, так мало что не помер после такого лечения.

– Змеиный яд от болей в пояснице хорош, – машинально заметила я.

– Так у него не поясница, а выше по хребтине.

– Боярышник заваривать пробовала?

– Нет. А помогает?

– Боли снимет. Возьми три ложки свежих цветков боярышника и залей их кипятком – малый ковш до краев. Дай настояться час и пусть царевич пьет по стопочке незадолго до трапезы. Должно помочь, батюшке этот отвар всегда помогал.

Тут я приврала, конечно, потому что ни про батюшку своего, ни про хвори его не ведала. Да кто проверять-то будет? От травяного настоя еще никто не помер, а в больнице у нас его больные через одного пили с большой пользой. Николай Павлович в каких-то старинных травах этот рецепт вычитал.

– Сегодня же прикажу приготовить, – встрепенулась Ирина. – Спасибо тебе, Мария Федоровна, за совет дельный. Надо бы и супругу твоему, государю нашему, такой настой пить.

– А ему зачем? – притворно изумилась я.

– Так ведь государь тоже от болей в спине сильно страдает. Неужто он тебе об этом не поведал?

Я покачала головой.

– Бодрится перед молодой супругой, – вынесла вердикт Ирина.
– Так как же его уговорить настой этот пить?
– А вот Федша попьет какое-то время, и ежели ему полегчает, я государю скажу.
– А спросит: откуда узнала рецепт.
– А правду скажу – от тебя. Скажу, что я тебе о недугах государевых поведала.
– Угу, – хмыкнула я. – А он нас обоих под монастырь подведет за такие дела.
– Не бойся. Меня свекор-батюшка как родную дочь любит. Выросла я при дворце, ничего худого он от меня не ждет.

– Ну, коли так, – воодушевилась я, – есть еще одна средство. Мазь дегтярная с сабельником.

– Тоже не слышала, – покачала головой Ирина.

– Нужно истолочь в порошок четверик корневищ сабельника, да по треть четверика калгана и девясила. Растопить гарнец гусяного жира на водяной бане, дать немного остыть и всыпать потихоньку порошок. Перемешивать нужно деревянной палочкой. Хранить обязательно в холодном месте. А то есть еще одно средство: по четверику корневищ сабельника, калгана и девясила положить в четвертную корчагу корчагу и залить крепкой водкой.

Ирина слушала меня с полукротким ртом

– Корчагу сию запечатать и убрать в теплое и темное место ровно на 3 седмицы. Потом настойку нужно процедить, разбавить водой и пить по ложке 3 – 4 раза в день незадолго до трапезы.

– Это нужно записать, – решительно сказала Ирина, – я все сразу не запомню. Прикажи писца кликнуть.

Уходила от меня Ирина Федоровна обнадеженная со свитком рецептов, пообещав, что перед вечерней придет ко мне отца Василия – для исповеди.

– А завтра до трапезы пойдешь причаститься. Я тоже там буду. Помолимся за исцеление супругов наших. А снадобья целебные велю для обоих приготовить, чтобы ты в стороне была. Не царское это дело.

Я чуть не приснула, услышав знакомую фразу, но удержалась. Интересно, а растирать государя целебной мазью кто будет? Царица-то я царица, но еще и жена любящая. Кроме меня, никому не доверю. А отговорку какую-нибудь придумаю.

У бедного царевича Федора заболевание, видать, наследственное. Слаб он здоровьем, ох, слаб. Иван-то крепок – в отца пошел, каким он был в молодости. Как дозволит царь мне к общей трапезе выходить, так со всеми и познакомлюсь... заново. Пока про Ивана мне только Ирина обмолвилась, но очень кстати.

Очень мне не хотелось, чтобы царевича Ивана убили. Хоть характером и крут, да все лучше, чем сначала болезненный Федор на троне, который завещал быть царицей Ирине. Да та процарствовала ровно неделю – ушла в святую обитель и постриглась в монахини. Без любимого мужа ей и трон-то не больно был нужен. А потом – Борис Годунов, смута, поляки... Нет, пусть уж лучше второй Иван Грозный Русью правит.

Глава четвертая. Царица-целительница.

Мы торжественной процессией направлялись в царскую опочивальню. Мы – это два стольника, две ближние боярыни и несколько прислужниц, которые освещали нам путь по темным переходам.

Не могу сказать, что бы мне было страшно, но как-то не по себе. План я придумала неплохой, только вот сработает ли? Подчинится ли супруг желаниям юной супруги? И что вообще сделает?

Царь поджидал меня, облаченный в роскошный бархатный халат возле стола, уставленного блюдами с фруктами, графинами с вином и кубками. А вот без вина, по-моему, можно было бы прекрасно обойтись. Так ведь хозяин – барин.

С низкими поклонами челядь оставила нас наедине. Я стояла, потупив глаза, стараясь собраться и с мыслями, и с силами. Если все пойдет, как я задумала, мне понадобится и то, и другое, причем в достаточном количестве.

– Присаживайся, Марьюшка, – услышала я ласковый голос мужа. – Я вино заморское приготовил. Отметим твоё выздоровление.

– Как пожелаешь, государь.

Сама кротость и покорность! Идеал любого мужчины. Ну, почти любого.

Вино действительно оказалось изумительным и я осмелела. Чтобы не сказать – обнаглела.

– Дозволь, государь, с просьбой к тебе обратиться, – начала я.

– Проси, чего хочешь.

– День и ночь о твоём здоровье думаю. Посоветовали мне спину тебе растереть. Дозволишь ли?

Ну вот, теперь или пан – или пропал. Погонит он меня сейчас из опочивальни-то.

– А и разотри, Марьюшка, члены крепче будут. Только сильно не нажимай.

– Помилуй Бог, государь! Ты и не почувствуешь, как я тебя растирать буду.

Видно, спина действительно сильно докучала моему супругу, поэтому он споро сбросил халат и остался в нижней рубашке тонкого полотна, богато расшитой диковинными узорами.

– Сорочку снимать?

– Приспусти, государь, с плечиков до пояса. И ложись на постельку, да о приятном думай.

– О том, как мы потом любиться с тобой станем? – подмигнул совершенно неожиданно для меня царь.

Оказывается, я не утратила способности краснеть.

– Да хоть бы и об этом.

Через несколько минут я ощутила что-то вроде раздвоения: передо мной в привычной позе лежал голый до пояса пациент, а мне предстояло сделать то, что и в прежней жизни не всегда легко удавалось.

Я потеряла ладони, сосредоточилась и приступила к делу. От спины царя буквально полыhalо жаром – ладони жгло. Эх его, сердечного, крутит-то. Попробуем раскрутить.

Незамутненный всякими научными штучками, рассудок царя оказался на удивление восприимчивым. Я почти не касалась его тела, уводя ладонями боль от шеи вниз. Только не торопиться, только облегчить. За один раз все равно не вылечишь. Только бы не напортить, я ведь «большого» перед сеансом не осматривала.

Зато в церковь помолилась. Тоже, говорят, помогает. Врачу.

– Не больно ли тебе, государь-батюшка?

Царь покачал головой. Говорить в таком состоянии не хочется, знаю. И я продолжила...

Через полчаса без малого я почувствовала, что отдала уже все силы, которые были. Еще чуть-чуть – и обморок мне гарантирован. А этого ни в коем случае допускать было нельзя.

– Вот и все, государь. Можешь вставать.

Того, что произошло потом, я ожидала меньше всего. Супруг соколом взлетел с ложа, мгновенно освободил меня от одежды и повалил на свое прежнее место. Сил у меня хватило только на то, чтобы обозначить нежные объятия. Дальше все было смутно: все-таки выложи-лась я по полной программе.

Когда я немного очнулась, то увидела рядом лицо царя, изменившееся так, что я чуть в настоящий обморок не свалилась. На меня смотрели добрые, нежные глаза, увлажненные слезами, а вечно сурово сжатые губы... улыбались.

– Касатушка моя, голубица, – приговаривал он, – и вылечила, и приласкала, как никогда раньше меня никто не ласкал. Нежная, покорная, желанная...

То есть я настолько обессилела, что лежала почти неподвижно, лишь изредка поглаживая супруга по плечам. Высший идеал любовницы! Бревно, но не одушевленное, а одухотворенное.

– Полегчало ль тебе, государь?

– Слов нет, как полегчало, Марыюшка. Где ты этому научилась?

– Бабка в деревне была... – неопределенно ответила я. – Да и заметила однажды, что у маменьки голова болеть перестает, если я ее таким образом лечу. Вот и тебе сподобил Бог помочь.

– Давай-ка это отпразднуем. Сейчас выпьем по бокалу вина...

– Умилосердись, государь. Я после ласк твоих могучих ни единым членом двинуть не могу. Не знаю, как к себе в покои доберусь.

– А здесь останешься.

– Неприлично сие...

– Ну, я тогда не в настроении был, когда приказал тебе удалиться. А теперь никуда не отпущу.

– Как прикажешь, государь.

– Сладко ли тебе было, любя моя?

– Сладко, государь. Нагрели мы с тобой всласть.

– Шутница! Завтра к причастию пойдешь – все грехи пропадут. Да и с супругом законным сие не грех.

– Твоя правда, государь.

У меня неудержимо слипались глаза и говорила я уже через силу. Сейчас бы заснуть...

– Как же я тебя уморил, сердечную, – с некоторым самодовольством сказал мой супруг. – Ну, поспи, голубка, отдохни, и я с тобой заодно вздремну. Какую ночь уже от боли спать не мог. Но я уже проваливалась в благодатный сон.

Проснулась, когда светало. Рядом спал супруг и лицо его было спокойным и добрым. Тоже, поди, умаялся, сердечный.

Мышкой соскользнула с ложа, набросила верхнюю сорочку, а нижнюю с туфельками взяла в руки и прокралась к выходу. У двери на полу – ну, разумеется! – прикорнула Агафья. Как ни бесшумно я двигалась, она услышала и тут же встрепенулась:

– Пойдем в твои покои, касатушка. Негоже, если тебя кто-нибудь тут приметит.

– Так ведь у мужа спала, не у любовника.

– А муж-то царь. Не положено в царской опочивальне другим спать. Сделала свое дело – и вон.

– Да меня государь не отпустил.

– То дело другое, – заметно успокоилась Агафья, – то – воля царская. Но все едино нужно отсюда уходить. Все равно заметят, конечно, но хоть не скажут, что возгордилась царица, после греха по дворцу стопами шествует.

Нет, эту логику мне было не понять.

У себя я помылась, приказала девкам переплести спутавшуюся за ночь косу, оделась пристойно и встала на молитву. И вот ведь диво – будто век по утрам эти древние слова произносила, обращаясь к иконным ликам. Даже не запнулась ни разу.

– К причастию нужно идти, государыня, – объявила появившаяся в светлице одна из ближних боярынь. – Отец Василий ждет. Там и царевны будут.

Там я впервые увидела жену наследника престола царевну Елену. Действительно, хороша. Брови дугой, глаза с поволокой, ротик маленький – вишенкой. Без белил, без румян – как есть перед Господом предстать собралась. Со мной она поздоровалась хоть и с почтением,

но сдержанно, чуть-чуть даже свысока. Не зря, видать, я на нее жаловалась. То есть не я, а та, которая еще недавно обитала в этом теле.

– Легких тебе родов, государыня-царевна, – подчеркнуто ласково пожелала я. – Бог милостив, родишь царевичу богатыря.

У нее от изумления глаза стали огромными, а рот приоткрылся. Видно, раньше я разговаривала по-другому.

– Благодарствуй, царица-матушка на добром слове, – только и смогла она пролепетать.

Ирина кивнула мне издали и ласково улыбнулась. Уже начиналась служба. Елене явно было тяжело стоять, ее усадили на особый стульчик. Нам, разумеется, не предложили. А потом отец Василий причастил нас – меня вначале, Елену с Ириной потом. И отпустил с миром.

– Если дозволишь, царевна, я к тебе еще наведаюсь, – сказала я на прощание Елене. – Поговорим о всяком-разном. И прости, коли несправедлива к тебе была. Не по злобе, видит Бог, от глупой спеси.

В церкви активно зашептались придворные. Можно было не сомневаться, что эти мои слова разлетятся по всему дворцу и не только. Ничего, зато супруг будет доволен.

День я провела в совершенно новом для меня занятии – рукоделии. Продолжила начатое моей предшественницей шитье цветными шелками пелены на алтарь. И вот ведь диво: в предыдущей жизни иголку в руки брала только пуговицу пришить, а тут они сами производили все необходимые (и непростые) движения. Значит, не только молитвы мне в наследство достались.

А к середине дня распахнулись двери и появился Иван Васильевич, собственный персоной.

– Как тут моя супруга богоданная? – весело осведомился он. – Гляжу, и в делах прилежна. Наградил меня господь на старости лет.

– Какая же старость, государь? – возразила я. – За тобой иному молодому не угнаться.

Такой был слух, молнией разнесшийся по дворцу. Мол, государь до того оздоровился, что всю ночь царицу от себя не отпускал. Она по стеночке к утру выползла, а ему – хоть бы что. Отстоял заутреню и отправился Москву инспектировать, благо первый снежок пошел. Действительно, помолодел государь, не иначе как молодая жена какое-то слово заветное знает.

Знает, конечно, и не одно, только не в словах дело.

– А я тебе, Марьюшка, кое-что принес. За любезность твою и ласку.

– Да не стою я, государь...

– Стоишь, стоишь. Тут посланник голландский как-то проведал, что тебе кофе желательно испить, прислал мешочек и арапа с ним. Сейчас нам покажут, что это за кофе такое.

Интересное кино! Каким образом голландский посланник мог хоть что-то о царице проведать? Тем паче – о ее помыслах. Господи, Ирина же говорила, что братец ее сей напиток у кого-то из иноземцев вкушал. Подсуетился, похоже, Борис Федорович, угодить желает молодой царице.

Юный арапчонок, прятаясь за царской спиной, резво расставил на столе все, что нужно было для приготовления кофе. Зерна он, видно, заранее смолот: в парчовом мешочке находился темно-коричневый порошок, от одного запаха которого у меня сладко закружилась голова. Ностальгия, однако.

Другой придворный принес две чашечки китайского фарфора красоты изумительной. Про блюдечки, по-видимому, можно было забыть, а вот ложки... Не перстами же сахар перемешивать. Кстати, сахар где?

– Агафья, достань-ка сахарку кенарского, – распорядилась я. – И ложечки серебряные.

Распорядиться-то распорядилась, но отнюдь не была уверена, что ложечки сыщутся. Пока мне такое диво тут на глаза не попадалось.

– Как прикажешь, государыня, – поклонилась Агафья и куда-то брызнула из светлицы.

– Вот и еще один подарок испробуем: мне английская королева дюжину золотых ложек к именинам прислала. Серебряных нет, не взыщи. Да и с этими не знали, что делать – уж больно малы.

Да, щи или кашу было бы затруднительно есть теми произведениями ювелирного искусства, которые принесла Агафья. Для двора Елизаветы, где такими приборами вкушали мороженое и бланманже это, конечно, было не в диковинку, но в России...

Кофе поспел, арапчонок осторожно взял серебряный сосуд и бережно разлил напиток по чашечкам.

– Сахару, государь, добавь, – негромко посоветовала я, – да размешай хорошенько. Для того и ложки попросила.

– Затеяница, – усмехнулся в бороду царь. – Говоришь, изопью – еще бодрее стану.

– Всенепременно, государь, – заверила я его. – Только не обожгись, попробуй сначала с ложечки.

Мелькнула мысль, что кофе – напиток все-таки специфический, и как бы не привыкший к нему царь не выплеснул мне чашку в лицо. Сама я смаковала желанный напиток, как амброзию, осторожно сдувая пенку.

– Не отравился бы государь, – довольно громко прошептала какая-то из ближних боярынь.

Я отставила чашку и взглядом нашла радетьельницу. Точно княгиня Трубецкая, ума невеликого, зато язык вокруг шеи обернуть можно.

– Думай, что говоришь, княгиня, – ледяным голосом отозвалась я. – По-твоему, мне на тот свет охота, что я вместе с государем отраву пью?

– Еще такое брякнешь – языка лишишься, – без особого гнева добавил мой супруг. – Мелешь невесть что, а за тобой другие дураки подхватывают.

Княгиня бухнулась к царским ногам и взмолилась:

– Помилуй, государь, не со зла. Все мы о твоём здоровье печемся.

– Уйди с глаз моих, – почти ласково сказал Иван Васильевич. – Не видишь, любезен нам сей напиток, хоть и необычен. Вот угодила царица, так угодила. Повелеваю каждый день мне сей напиток готовить.

– Государь, – взмолилась я, – не лишай меня своей милости!

– Ты о чем? – неподдельно изумился он.

– Мне, недостойной, мечталось, что кофе мы с тобой только вместе вкушать будем... после заутрени.

Без пригляда оставлять супруга с экзотическим напитком мне было боязно. Иван Васильевич если уж пил – так кубками. А не наперстками, сиречь китайскими чашечками.

– Будь по-твоему, – неожиданно легко согласился он. – Только с одним условием.

– Прикажи, государь.

– Будешь каждый вечер у меня в опочивальне.

Светлица негромко ахнула. Такой милости ни одна из прежних супруг не удостоивалась. Даже единственная любовь всей его жизни покойная царица Анастасия.

Я решила, что каши маслом не испортишь и припала к царским ноженькам. Светлица снова ахнула: надменная гордячка, которой меня тут считали (видно, было за что), ведет себя как смиренная послушница.

– С превеликой радостью, государь. Я раба твоя покорная, твое слово для меня – закон.

– И после совместной заутрени будем кофий вкушать себе на радость.

Присутствующие опомниться не успели от такой новости, как в двери без стука вломился царский зять, Борис Годунов.

– Государь, беда! Царевич занемог. Из Александровской слободы без памяти привезли.

– Неужто отравили? – грозно свел брови царь.

– Неизвестно, государь. Горячка у него. Рвота была сильнейшая...

Царь резко встал с места и направился к выходу. На полпути остановился и сделал мне знак:

– Ступай со мной, царица. Ты в хворях сведуща.

Есть такое дело. Только как он догадался? С одного-то лечебного массажа.

Царевич лежал на пышной постели иссиня бледный и неподвижный. Вокруг суетились лекаря. Я подошла поближе и на меня просто пахнуло жаром. Температура у царевича зашкаливала за сорок, а поскольку хриплого дыхания слышно не было...

Я знаком приказала снять одеяло с царевича. Так и есть – буро-красные пятна в форме неровных звезд рассыпаны по всему телу. В центре некоторых уже появились некротические очаги.

Менингит. И в мое оставленное время плохо лечился, а сейчас практически никаких шансов. Как же это его угораздило?

– Царевич сырую воду пил?

Придворный посмотрел на меня с суеверным ужасом.

– Пил, матушка-царица, а еще разгорячился в дороге, да и решил освежиться в придорожной речке.

– Что делать, Марьюшка? – как-то по-детски спросил у меня царь.

– Молиться, государь, – строго и печально ответила я. – Не жилец царевич, дай Бог до утра дотянет.

Иван Васильевич изо всех сил стукнул своим посохом в пол и повалился на колени:

– За что, господи?! Умилосердись!

На колени повалились и все присутствующие, включая меня. Хотя это вряд ли могло дать какой-то положительный эффект. Воспаление мозга этим не излечишь.

– Пить ему давайте побольше, кислого и теплого, – распорядилась я, поднимаясь с колен. – Да почаще влажным полотном растирайте.

– Он исцелится?

Я покачала головой.

– Нет, государь. Просто отойдет легче.

– Это все кофе поганый, – пискнул кто-то из толпы придворных.

– Что ты мелешь, тварь?! – взревел царь, взглядом отыскав говорившего. – А ну, ко мне подойди.

Через толпу протиснулся дородный боярин в мехах, на лице которого был написан неподдельный ужас.

– Кофе пили мы с царицей, а занемог царевич.

– Так она ворожила, чтобы...

Договорить несчастный не успел. Царский посох со свистом вспоров воздух, пробил несчастному висок.

– Унесите дурака, – рыкнул царь. – И все вон отсюда. Молитесь, чтобы Бог чудо сотворил.

Покои царевича опустели на раз-два-три. Остались только лекари, да ближние отроки.

– Марьюшка, что же это?

– У царевича поражен мозг. По-латыни сия болезнь менингитом называется. Живет эта зараза в нечистой воде. И лекарства от нее нет.

Царь застыл, словно изваяние. Вот с этим нужно было что-то срочно делать. Я кивнула служкам, чтобы усадили государя в кресло, а сама встала за его спиной и начала работать. Из ступора моего супруга нужно было выводить немедленно, иначе у нас тут два трупа образуется. И очень скоро.

Минут через десять царь обмяк и, похоже, уснул.

– Отнесите государя в его покои. Глаз с него не спускайте: я рядом неотступно буду, замечу что не так – собакам скормлю.

Вот так счастливые вечер и утро обернулись дневным кошмаром. Ну, кто просил этого дурака осенью лезть в ледяную грязную воду? И зачем его вообще понесло в Александровскую слободу, если жена со дня на день родить должна?

Ответить на эти вопросы мне вряд ли кто-нибудь мог. С превеликой осторожностью удалось узнать, что якобы царевич поскакал в слободу за каким-то необыкновенным лекарством, которое роды делает легкими и безболезненными.

Ну, не знаю...

Глава пятая. Наследники

Второй сын царя Ивана IV Васильевича Грозного от первой жены Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой родился уже после гибели младенца Дмитрия, первенца Ивана IV, поэтому считался старшим сыном царя и наследником престола. Иван Иванович всюду следовал за отцом, присутствовал на приемах иностранных послов, участвовал в военных походах. В годы опричнины иногда участвовал в расправах, осуществленных по приказу царя.

Вообще-то яблочко от яблони недалеко закатилось, хотя дело было все же в самой яблоне. Царевич был женат уже третий раз, двух его первых жен – Евдокию и Параскеву царь повелел заточить в монастырь – за бесплодие, высочайше наплевав на недовольство и мольбы сына.

– Неплодную смоковницу иссекают, – отрезал он, слово в слово повторяя своего покойного батюшку, тоже сославшую бесплодную супругу в монастырь.

Елена стала третьей женой Ивана. Со всего государства велено было собрать самых красивых девушек, дочерей бояр и дворян, чтобы из них выбрать жену для царевича на смотре невест, по обычаю византийского императорского двора.

Но как только Иван увидел Елену, он понял, что именно ей суждено стать его женой. Подарив по обычаю девушке платок и кольцо, он, вопреки воле отца, женился на дочери Ивана Шереметева Меньшого.

Иван Грозный не так давно казнил одного из Шереметевых, а другой – царь все сомневался – не сговаривался ли с крымским ханом, не планировал ли предательство? Да и третий из братьев Шереметевых, попав в плен к полякам, тут же присягнул на верность польскому королю и сказал, куда лучше нанести удар – по Великим Лукам, городу-крепости, опорному пункту на Западном порубежье... И из такого рода Иван выбрал девушку!

Но свадьбу, по настоянию царевича, все же сыграли. А вскоре Елена уже ждала ребенка, так что монастырь ей уж точно не грозил, и Ивану не придется в четвертый раз жену выбирать и уговаривать священников сочетать его законным браком. Да и не был он столь охоч до женского пола, как его папенька: ему вполне хватало жены. К тому же третья оказалась еще и любимой, да понесла чуть ли не сразу после свадьбы. Теперь вот родить должна была со дня на день. А супруг – на смертном одре.

Вот в то, что Иван Васильевич убил собственного сына, лично мне никогда не верилось. Иван Грозный никак не мог встретить невестку в покоях сына. Дело в том, что, как мне успела поведать Агафья, каждый член царской семьи жил в отдельных хоромаш, которые соединялись с дворцом переходами. Царевна Елена вела такой же образ жизни, как и все высокопоставленные женщины: после утреннего богослужения она со своими прислужницами занималась рукоделием в своих покоях.

Законы того времени были очень строги по отношению к женщинам, без разрешения мужа ни одна из них не смела показаться на людях, даже в церковь ходили только с разрешения, да и то под присмотром слуг. Комнаты знатных женщин обычно находились в глубине дома, причем они были постоянно закрыты, а ключ находился у мужей. В женскую часть дома не мог попасть ни один мужчина.

Как же тогда царю удалось увидеть царевну Елену, да еще одетую не по уставу? Он что же, дверь выломал и разогнал затем всех слуг? Но ведь история не зафиксировала ни одного похожего случая в богатой событиями жизни Иоанна.

Немного позже появилась еще одна сказка – версия политического убийства, однако она оказалась еще более бездоказательной, чем предыдущая. По словам историков, Иоанн Грозный с большим недоверием относился к стремлению своего сына возглавить войско в борьбе против Речи Посполитой, завидовал его молодости и энергии, но это только домыслы и никаких доказательств правдивости данной версии не существует. В ней не меньше противоречий, чем в бытовой.

Эта версия полна противоречий и в оценке характера молодого царевича. Вначале историки утверждали, что сын являлся точной копией своего отца, причем сходство было не только физическим, но и нравственным. После смерти появляются другие картинки – царевич, оказывается, мудрый, не чета отцу, его все любят, поэтому смерть его стала всенародным горем. Таким образом, понятно, что подобное превращение из чудовища в «любимца публики» означает только то, что-то одно – ложь.

Так что мой первоначальный план, возникший когда я оказалась в этом времени, полетел ко всем чертям. Ссору отца с сыном в покоях невестки я еще могла как-то предотвратить, а вот смерть от тяжелой болезни – вряд ли. Судя по всему, царевичу Ивану не суждено было царствовать: на трон должен был сесть Федор Иванович, большим умом не отличавшийся. Зато супруга его, Ирина – отличалась, да еще как!

Значит мне нужно было, во-первых, облегчить страдания собственного супруга – уж что-то, а позвоночник я лечить умела, а, во-вторых, привязать его к себе, чтобы и мысли ни у кого не возникло отсылать вдову великого царя в какой-то заштатный Углич. Особенно при условии, что я успею родить сына. Ведь он являлся бы прямым наследником бездетного Федора Ивановича, а кто же отсылает в глухомань законного наследника престола?

Дверь скрипнула и я вздрогнула от неожиданности. На пороге возник мой супруг собственной персоной. Значит, не безразличен к жене, если не просто послал кого-нибудь о здравии царицы, а лично пожаловал.

Я проворно поднялась с кресла и отвесила поясной поклон.

– Здравствуй, Марьюшка, свет мой. По здорову ли сегодня?

– Благодарствую государь, все прошло. Завтра смогу уже к общей трапезе выйти.

– Слава Богу, – размашисто перекрестился царь. – А ежели сегодня вечером ко мне в опочивальню?

– Прикажи, государь, – слегка поклонилась я.

– Не приказываю – прошу. Истосковался без тебя, свет мой. И за Ивана тревожусь.

Похоже, Иван Васильевич пребывал нынче в спокойном настроении.

– Чем занималась сегодня, голубка?

– Сначала молитвенник читала. Потом княжна Ирина в гости пожаловала.

Царь слегка нахмурился.

– Опять жалиться на нее будешь?

Я покачала головой.

– Прости меня, государь, дуру грешную. Бес гордыней попутал. Сегодня отцу Василию покаялась.

– Значит, мир у вас с Ириной?

– Да и не ссорились мы, во всем моя спесь виновата. Она – супруга младшего наследника, значит, я ее должна почитать, а не она меня.

– Ну, она тебе тоже должна уважение показывать, – совершенно размягчившись отозвался супруг. – А с Еленой не виделась?

– Там я тоже кругом виновата. Она вот-вот сына породит, а я к ней – не с добром, а с завистью. Сама-то еще не брюхата.

– Бог милостив – и ты понесешь в срок. Елена-то из Шереметевых, у них женщины, как кошки, плодятся, чуть ли не по два раза в год рожают.

И царь расхохотался, страшно довольный своей шуткой. Я позволила себе тихий смешок.

– Скажи мне, голубка, чего бы тебе хотелось к вечеру? Вина заморского, али фруктов каких необычных? Да что мы стоя-то беседуем?

И Иван Васильевич с комфортом расположился в самом удобном кресле. Я чинно присела на скамеечку у его ног.

– Чем попотчуеть, тому и рада буду, – уклонилась я от прямого ответа. – Дозволь, государь, рассказать тебе то, что сама слышала.

– Говори.

– Сказывают, что в стране Италии чудные ягоды есть под названием «рейзин». Сладости необыкновенной, а еще силы прибавляют, сердце лечат, чадородию способствуют. Вот бы достать...

– Сегодня же накажу послать в Вену нарочного. У них-то наверняка есть, с французами давно торгуют. Чаю, венский цесарь мне не откажет.

– Пошли, государь. Ты уж не серчай, что мне такая блажь пришла. Вот захотелось – спасу нет, во сне вижу.

Царь долго вглядывался мне в лицо, потом изрек:

– То примета добрая: либо понесла уже, сама того не ведая, либо понесешь вскорости. Будут тебе ягоды заморские, Марьюшка. Потерпи немного. Найду, чем сладеньким тебя сегодня побаловать.

Царь поднялся с кресла и я уловила легкую судорогу боли, пробежавшую по его лицу. Спина-то, небось, болит, а у него амуры в голове порхают. Что ж, совместим приятное с полезным.

Супруг благопристойно поцеловал меня в лоб и отправился по своим делам. А я хлопнула в ладоши:

– Эй, кто там есть!

Тут же вбежали две прислужницы.

– Чего изволишь, царица-матушка.

– Баню мне приготовьте, да не простую, а с разными ароматами. Сегодня вечером государь приказал мне к нему в опочивальню явиться. Нужно, чтобы я, как роза благоуханная была.

– Сей момент все исполним.

Девыцы умчались, а вместо них явилась Агафья.

– Что это ты удумала, Марьюшка? Тебе еще отдыхать надо.

– С царем не поспоришь, Агаша. Да и в благостном расположении он нынче.

– Так-то оно так...

– Да у меня уже все прошло

– Ну, смотри сама. Потом не жалуйся.

– Не буду, – весело пообещала я.

Потом... потом был рай земной. Девки расплели мне косу, вымыли волосы в трех водах (две я не запомнила, а третья была розовая). Замотали голову чалмой из полотенца и принялись распаривать меня в травяных душистых настоях, точнее, в их пене. Потом окатили росной прохладной водицей и повели в светелку – сушить да расчесывать волосы, а после из короной в три обхвата на голове укладывать.

К великому огорчению Агафьи, краситься я отказалась наотрез. Ни белиться, ни румяниться, ни брови углем подводить, ни ресницы чернить. И так хороша. Но набившиеся в светелку ближние боярыни моего мнения не разделяли.

- Что же ты, государыня, к царю как девка худая пойдешь?
- Не как девка, – огрызнулась я, – а как жена послушная.
- Ну хоть щечки-то нарумянь.
- И так хороша!

Как выглядели женщины того времени, я знала еще до того, как в него попала... Пре-вращаться в одну из окружающих меня боярынь я не собиралась. У них косметика из сред-ства украшения стала средством устрашения. Белая маска из свинцовых белил, алые пятна на щеках, будто кто кистью провел, углем нарисованные брови... Нет, спасибо.

При этом, разумеется, мало кто связывал частые недомогания и раннюю смерть москов-ских красавиц с «невинными» свинцовыми белилами. Температура, боль в животе, не про-ходящая по две-три недели, тошнота и бессонница объяснялись либо несвежей пищей, либо сглазом, порчей от недобрых людей. А на самом деле это была «свинцовая колика» от нако-пившегося в организме металла. Помочь им уже никто не мог.

Осуждение просто выплескивалось из глаз окружающих женщин, но слово молвить попе-рек никто не смел. Царица ведь! И матушка родная далеко, да и ее, поди, на послушает.

Но ведь государь зовет ее в свою опочивальню, и словечка не вымолвил, чтобы прихоро-шилась. Тут уж всем смириться приходится: перечить царю – себе дороже.

Зато нарядили меня так, что я вздохнуть не могла. Поверх нарядной рубашки еще и выходное платье, расшитое золотом и самоцветами. Весило это чудо не меньше пуда и удобно в нем было, как в каменном мешке. Но тут уж пришлось прикусить язык мне: не оборванкой же перед светлые государевы очи являться. Другие вон тоже на себя по десятку килограмм парчи, бархата и самоцветов носят – и ничего. Придется и мне потерпеть.

– Платье до времени уберите, – распорядилась я. – Мы с царевной Ириной к исповеди скоро пойдем. Негоже в церковь в таком виде являться.

Слава Богу, на какое-то время меня освободили от этих доспехов и заменили из простым бархатным платьем черного бархата. На голову приладили такую же шапочку с покрывалом: при желании в него можно было закутаться с головой. И отпустили с миром замаливать земные грехи перед тем, пока я еще не натворила новых.

Узкими коридорами и бесконечными лесенками я в сопровождении Агафьи добралась до дворцовой церкви. Перешагнула порог – и временно ослепла от яркого света сотен свечей. Когда я вообще последний раз была в церкви? Не помню...

Ирина уже ждала меня, одетая так же просто, с покрытой головой. И в тот же момент из боковой церкви вышел священник – высокий, дородный мужчина в просто черной рясе и с большим крестом на груди.

– Ты иди первая, – шепотом сказала Ирина. – Я пока помолюсь.

Я шагнула вперед и по какому-то наитию опустилась на колени перед батюшкой. Господи, я же вообще ни разу в жизни не исповедовалась!

– Слушаю тебя, дочь моя. Чего ты хочешь?

– Исповедаться хочу, святой отец.

– На заутрене сегодня была ли?

– Была.

– Тогда слушаю тебя. Какие грехи исповедать хочешь?

– Гордыню, батюшка. Загордилась перед невестками своими, посчитала их ниже меня по происхождению.

– Сожалеешь ли об этом?

– Сожалею. Все мы – дети господа.

– Отпускаю тебе грех сей малой епитимией: трижды в день читать «Отче наш». Еще в чем грешна?

У меня в голове не было ни единой мысли.

– Супружеский долг свой добросовестно ли и с любовью исполняешь?
– Да, батюшка.
– О других мужчинах, помимо супруга, мечтала ли?
– После свадьбы – никогда.
– Грессишь ли чревоугодием и винопитием?
– Грешна чревоугодием: хочется иной раз яств заморских.
– Отпускаю тебе грех сей: почаще молись богу, чтобы он помог тебе тать равнодушной к земным соблазнам. Греховные мысли и соблазны разные испытываешь ли?
– Нет, батюшка. Только молюсь, да о здоровье супруга тревожусь.

Священник накрыл мне голову куском материи и забормотал что-то не очень разборчивое. Надо полагать, отпускал мне мои прегрешения.

– Ступай дочь моя с миром, и не гресси. Отпускаю тебе все твои прежние прегрешения, вольные и невольные.

Я поцеловала священнику руку и поднялась с колен. Вот и все. Оказывается, это гораздо проще, чем вылечить застарелый радикулит.

– Все хорошо? – с тихой улыбкой шепотом спросила меня Ирина. – Покаялась?

– И покаялась, и отпустили мне все грехи. Иди ты теперь.

– Подожди меня. Нужно про лекарства поговорить.

Я кивнула головой и принялась рассматривать богатый иконостас. Неожиданно для себя почувствовала какое-то странное умиротворение на душе, словно ее и правда очистили. И легкая тревога перед тем, что ожидало меня вечером, отступила. Воистину, Бог милостив.

– А вот и я, – услышала я голос Ирины. – Хочешь, пойдем ко мне, Кое-какие лекарства я уже достала.

Светлица Ирины была далеко не такой роскошной, как моя. Простое покрывало на кровати, простая мебель. Словно и не царевна тут жила. И множество образов на стене – почти как в церкви.

– Мазь дня через три будет готова, А настойка – через три недели. Мне лекарка посоветовала пока просто растирать спину отваром шалфея.

Что-то я про такое средство никогда не слышала.

– Спасибо тебе. Буду ждать.

– Как государь?

– Сегодня вечером узнаю точнее, – не удержавшись, похвасталась я.

– Дай Бог, чтобы после исповеди сегодня понесла ты. Пока государь тебя любит...

Вот тут она была права на все сто процентов. Какое-то время Иван Васильевич потерпит, подождет долгожданного младенца, а потом... Один Бог знает, как он со мной поступит. Или смирится с тем, что поздно ему уже еще детей иметь, или прикажет отправить меня в монастырь, а себе изберет новую супругу.

Неожиданно для себя самой я заплакала от страха. Ведь точно может отправить в какой-нибудь дальний монастырь. Вот где власть намолюсь о грехах своих! Царь скоро пятьдесят, пора о внуках думать, а не о детях. Двое сыновей есть, что еще?

Ирина бросилась меня утешать:

– Не горюй, не надо. Бог милостив: царь к тебе привыкнет и никуда от себя не отпустит. Пора уже с одной женой век доживать.

Да, по-моему тоже пора. Только читала я в предыдущей жизни, что на склоне лет Иван Васильевич возжелал взять себе жену из Англии, послов туда слал, подарки дорогие. Умная Елизавета еле-еле отбилась от такой напасти. А потом и государя не стало.

Скорее бы лекарство было готово. Как царю полегчает, так и характер будет помягче...

Глава шестая. Перемены.

– Царевна Елена о болезни царевича знает? – спросила я у лекаря.

– Царевна в обморок упала, когда услышала.

– И что, так в нем и лежит до сих пор?

– Н-не знаю.

– Так узнай! И повитух к ней собери побольше. Как бы с младенчиком чего не случилось.

Эти мои слова слышали немногие, но слышали. И когда после смерти царевича на следующее утро царевна Елена разрешилась мертвым младенцем, по дворцу пополз нехороший шепот: ведьма. Все заранее знала.

Дворец облачился в траур по двум царевичам: наследнику и мертворожденному. На царя было страшно смотреть. Он часами сидел неподвижно, уставившись в одну точку и только шептал молитвы. Молились и все остальные.

Сорок дней прошли, как страшный сон. И все эти сорок дней я ходила то за царем, то за царевной Еленой, жизнь которой была в серьезной опасности. И только на сороковины она открыла глаза и осмысленно поглядела вокруг.

– Как ты, царевна? – спросила я.

Жар спал, а ночью случился кризис: царевна вспотела так обильно, что простыни и сорочку впору было выжимать. Ее переодели в сухое, обтерли ароматическим уксусом, переменили постель.

– Благодарю, государыня. А Ванечка...?

– Царевича погребли сорок дней назад. Вместе с твоим мертворожденным сыном.

– Кара господня, – прошептала царевна. – Священника зовите, исповедаться хочу. Грех на мне страшный.

Я поднесла к ее запекшимся губам кружку с маковым отваром. Грех – это в церковь, мое дело помочь выздороветь.

– Мы с Ванечкой задумали тебя и государя отравить. Он в Александровскую слободу за снадобьем ездил. Вот Бог и наказал.

– А нас-то с государем травить за что? – изумилась я.

Царевна поглядела на меня тяжелым взглядом.

– Засиделся Иван Васильевич на троне, да еще тебя чуть ли не рядом посадил. А годы уходят. Пора было Ивану царем становиться.

Я только покачала головой. Точно дети малые: хочу сидеть на троне, значит, папаньку с мачехой нужно отравить ко всем чертям. Логика, конечно, железная.

– Теперь мне один путь – схима, – словно в бреду шептала царевна. – Отцарствовала Елена Премудрая. Бог не дал злодеянию свершиться.

– Тебе решать, – сухо сказала я. – Только схима – не схима, поправляться тебе еще долго. Лежи, набирайся сил. А священника я тебе пришлю. Злое вы дело с царевичем задумали, царевна, да Бог вам судья. А я на тебя зла не держу.

В этот момент в светлицу вошла царевна Ирина, исхудавшая за эти дни до прозрачности.

– Как царевна? – шепотом спросила она.

– Очнулась. Свяшеника зовет.

– Неужели...?

– Нет, поправится.

– Тогда зачем?

– Покаяться никогда не поздно, – загадочно ответила я,

И покинула светлицу несостоявшейся царицы, где, если честно, уже начала задыхаться. У меня были гораздо более важные дела.

Отметили сороковины, как полагалось. Снадобья, приготовленные царевной Ириной, давно были готовы. На сорок первый день после смерти царевича я молча вошла в покои супруга, слегка ошалевшего, по-моему, от такой наглости, и тихо сказала:

– Лекарство готово. Ложись, государь.

И грозный Иван Васильевич послушался меня, как дитя малое. Я растерла его мазью сабельника и сказала:

– Укутайся поплотнее, государь. И лежи чуток.

И ушла. Позже мне донесли, что царь почти мгновенно заснул – чуть ли не впервые за все это время. Так что на следующий день я повторила тот же номер.

Никаких разговоров, никаких утешений, никаких ласканий. Типа пришла медсестра, сделала процедуру и ушла. Через неделю Иван Васильевич вышел из своих покоев суровый, но спокойный, и повелел немедленно собрать боярскую Думу. Там он официально объявил наследником престола царевича Федора, но не одного, а с соправительницей и супругой царевной Ириной. А буде у них дите, то ему наследовать трон предков.

Вопросов, как ни странно, не было. Все прекрасно знали, что без подсказки супруги царевич Федор шагу не сделает. А партия боярина Годунова вообще впала в ликование: племянница Бориса Федоровича в один прекрасный день станет полноправной российской царицей.

А на следующий день, когда я, растерев супруга с особым тщанием собралась по обыкновению уходить, он поймал меня за руку.

– Ты что же, Марьюшка, и говорить со мной не желаешь?

– Горе у тебя, государь, – ответила я, но руки не отняла. – Огромное и неизбывное. И сорок дней надлежало нам траур держать и от мирских соблазнов отказываться. Потому и старалась не надоедать тебе. Да и теперь стараюсь.

– Но рядом-то со мной побыть можешь?

– Твоя воля, государь. Прикажи – пяльцы сюда перенесем.

Впервые после смерти сына царь слабо улыбнулся.

– Шутница... Вот ежели бы ты в шахматы умела...

– А я умею, государь.

– Ты?!

– А что тут такого?

– Так то же не женская игра.

– Это где написано? – ласково осведомилась я. – В Библии или в Евангелии?

– И кто же тебя учил?

– Батюшка. Братцам моим сия забава не показалась, а ему скучно было в поместье-то.

– И хорошо научил?

Я пожала плечами.

– Не знаю. Жалел только потом сильно.

– Отчего же?

– Да со временем ни единой партии не мог выиграть.

– А ну давай, попробуем.

– Воля твоя.

Три партии подряд царь мне проиграл, что, разумеется, изрядно испортило ему настроение. Но у меня в рукаве был запасной козырь.

– Теперь, государь, ты опять можешь меня ночевать приглашать. Я спрашивала у батюшки, он дозволил.

Недовольная гримаса моментально слетела с лица моего супруга, и он с несвойственной ему вообще-то пылкостью схватил меня в охапку и повалил на ложе. Дождаться ночи терпения не хватило.

– Только вечером снова приходи, – просительно сказал он, когда мы закончили наши ласки. – Истосковался я по тебе, Марьюшка.

– А завтра утром кофе попьем, – лукаво сказала я.

Прошел почти месяц, прежде чем я набралась смелости рассказать мужу о признании царевны Елены. И причина для этого была веская: страх. Я поняла, что все-таки наконец забеременела и испугалась, что царевна Елена, ныне старица Леонида в Ново-Девичьем монастыре, повторит свою попытку отравить царя и царицу. Просто из мести и зависти.

Наконец, я решилась.

– Государь, – сказала я за ставшим уже традиционным кофе, – поговорить с тобой хочу. Вернее, попросить.

– Проси, сама знаешь, отказу тебе ни в чем не будет. Хотя ты и не просишь никогда ни о чем.

– Сейчас попрошу не гневаться и выслушать меня.

Брови царя сошлись на переносице. Дурной знак.

– Опостылел я тебе за этот месяц? – хрипло спросил он.

– Не о том думаешь, муж мой грозный. Зачем, по-твоему, царевич Иван, царствие ему небесное, в Александровскую слободу перед смертью ездил?

Царь пожал плечами.

– За ядом сильным.

– Что?!

– Они с супругой замыслили нас с тобой отравить. Очень царевна Елена боялась, что я забеременею. И не нравилось ей, что мое лечение тебе впредь пошло.

– Да ты в уме ли, Марья?

– Царевна сама мне о том сказала, когда после родов очнулась. Решила, что так ее Бог наказал за злой умысел.

– Правильно решила, – процедил Иван Васильевич сквозь зубы. – За такое я бы родного сына не пожалел.

– Если бы от яда уберегся, – вскользь заметила я.

– Так чего же ты хочешь? Елена постриг приняла, в монастыре грехи замаливает. А Иван вообще в могиле.

– Слишком близко от нас она грехи замаливает. А яд и в монастыре добыть можно.

– Теперь-то зачем?

– А затем, что у нас с тобой ребенок будет.

Какое-то время царь сидел в оцепенении, а потом повалился к моим ногам.

– Душенька, любушка моя, услышал Бог наши молитвы. Теперь я на тебя пылинке упасть не дам.

– Лучше сошли старицу Леониду в какой-нибудь скит подале. И чтобы ни с единой живой душой не общалась. Я боюсь.

– Не бойся, голубушка моя. Никто тебя пальцем не тронет.

На следующий день государь издал указ, от которого Москва вздрогнула. Половина – старшая – семейства Шереметевых отправилась прямиком на плаху. Остальные – в сибирскую глушь, где птицы на лету замерзают. А старицу Леониду, бывшую царевну Елену – в подземную камеру Белозерского монастыря, на хлеб и воду, с глухонемой послушницей в услужении.

– Говорил же я Ивану – не бери жену из Шереметевых. Род сей зело вреден и злокознен. Не послушал...

– Сердцу не прикажешь, – только и нашлась я сказать, ошеломленная жестокостью царской расправы.

Там ведь и дети малые, и старики. Они-то в чем виноваты? Знала бы, что дело так обернется, промолчала бы.

Бояре притихли до удивления. Молились по церквам за здоровье царской семьи. И, как выяснилось, не зря: царевна Ирина, наконец, сообщила благую весть: в тягости она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.